

столбами ...” [11, С. 15 и далее — о ситуации распятия в азиатском фольклоре].

В общем трудно сказать, что здесь организует позицию учёного — сознательное стремление доказать исходное азиатское (“тюрко-монгольское”) происхождение христианства или подсознательное представление о христианстве как об оптимальной религиозной и культурной модели. Но в целом можно утверждать, что в томский период своей жизни Потанин сосредоточился на проблеме происхождения и функционирования тех “вечных сюжетов” мировой культуры, которые несёт в себе христианство, и тем самым по-своему оказался адекватен наступившей в России новой культурной эпохе рубежа веков — эпохе духовного и интеллектуального господства религиозно-философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирь, её состояние и нужды. — СПб., 1908
2. Сибирская жизнь. — 1916, №№ 30, 33, 35.
3. Сибирская жизнь. — 1916, №№ 118, 119.
4. Литературное наследство Сибири. Т. 7. — Новосибирск, 1986. — С. 231.
5. Архив Научной библиотеки Томского гос. Университета. Опись рукописей Г. Н. Потанина.
6. Там же. — №№ 41, 151, 148е, 51.
7. Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. — Пг., 1912. Потанин Г. Н. Тибетские сказки и предания. — Пг., 1914.
8. Хангалов М. Н. Балаганский сборник. Сказки, поверия и некоторые обряды у северных бурят. — Томск, 1903. Белослюдов А. Н. Сказание и сказки киргиз. — Семипалатинск, 1915.
9. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. — М., 1899.
10. Потанин Г. Н. Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу о происхождении саги. — Томск, 1912.
11. Потанин Г. Н. Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии. — Томск, 1916.

А. В. Адрианов

ПИСЬМА К Г. Н. ПОТАНИНУ

Впервые публикуемые письма к Григорию Николаевичу Потанину принадлежат перу Александра Васильевича Адрианова. Но если имя адресата довольно широко известно, то имя автора писем всё ещё остаётся малознакомым сибирскому читателю.

“История Сибири — это история сплошных страданий, гнёта и бесправия, и сыны Сибири, наиболее преданные своей родине, разделяют участь, уготованную стране властью центральной и местной, разделяют до такой степени, что самые имена этих благородных людей стираются со страниц истории рукой той же власти и исчезают из памяти поколений”, — так писал Адрианов в 1911 году, не подозревая, что и его имени придётся испытать долгий период забвения. Поэтому, говоря опять же словами Адрианова, “об одном из таких сынов, загубленных жестоким режимом, настало время воскресить память, закрепить её в умах подрастающих поколений” [Адрианов А. В. Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб., 1911, С.1]. Первый шаг к этому уже сделан — в 1991 году Адрианов был реабилитирован. В Томске на здании по переулку Нахановича № 9 (бывшее здание Сибирского товарищества печатного дела, где он работал редактором газеты “Сибирская жизнь”) установлена мемориальная доска: этнограф, археолог, публицист; родился, умер ... Нам кажется, эти скупые сведения необходимо дополнить и, хотя бы кратко, познакомить читателя с основными этапами его биографии. Адрианов Александр Васильевич — путешественник, этнограф, археолог и публицист. Родился 26 октября 1854 года в Белозёрской слободе Курганского

3. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.

уезда Тобольской губернии в семье священника. В 1864—1874 гг. учился в Тобольской классической гимназии, по окончании которой поступил на 1-й курс Медико-хирургической Академии в Петербурге. Осенью 1874 г. Адрианов познакомился с Г. Н. Потаниным. Знакомство произошло на квартире другого известного сибиряка Н. М. Ядринцева, где в это время собирался кружок сибиряков-единомышленников. Установившаяся с момента знакомства дружба между Потаниным и Адриановым продолжалась всю жизнь. Советы и указания Григория Николаевича, как более старшего и опытного товарища, помогли Александру Васильевичу определиться в его дальнейшей деятельности. В 1875 г. Адрианов перевёлся на второй курс естественно-исторического отделения физико-математического факультета Петербургского университета. В феврале 1879 г. он закончил университет, был избран членом-сотрудником императорского Русского географического общества и в этом же году принял участие в экспедиции Потанина в Монголию как коллатор-натуралист. Осенью 1880 г. экспедиция возвратилась в Иркутск, откуда, спустя некоторое время, Адрианов переехал в Томск, где принял активное участие в создании “Сибирской газеты”, первый номер которой вышел 1 марта 1881 г.

В 1881 и 1883 гг. Александр Васильевич совершил по заданию ИРГО два путешествия в Кузнецкий Алатау, Восточный Алтай и за Саяны, где производил различные исследования и откуда привёз собранные им многочисленные археологические и этнографические коллекции, образцы горных пород, почв, коллекции насекомых и окаменелостей, гербарий. С 1883 г. Адрианов — редактор “Сибирской газеты”, а с 1884 по 1887 гг. — и её издатель. В 1887—1888 гг. как секретарь Томского губернского статистического комитета он совершил экспедиции на Васюган и в Нарымский край, откуда привёз коллекции предметов материальной культуры остяков (хантов) и самоедов (селькупов).

Уйдя в отставку с должности секретаря статистического комитета и чиновника особых поручений при томском губернаторе, Адрианов в 1889 г. поступил на службу в Акцизное управление Восточной Сибири. До 1899 г. он с семьёй прожил в Минусинске. По обилию памятников древности Минусинский край представлял собой настоящую сокровищницу для археолога. Все свои ежегодные отпуска Александр Васильевич использовал на археографические исследования, а частые разъезды по делам службы давали возможность кроме того собирать и другой научный материал.

Минусинск, Иркутск, Красноярск, снова Иркутск, Томск — много раз Адрианову приходилось менять место жительства, но он никогда не оставлял занятий археологией. Помимо этого он сотрудничал со многими сибирскими газетами, работал в Восточно-Сибирском Отделе ИРГО, публиковал материалы своих раскопок, статьи по геологии, географии, истории Сибири.

В Томске, куда Адрианов переехал приблизительно в 1910 г., он продолжал служить в акцизном ведомстве, активно сотрудничал с газетой “Сибирская жизнь” (являясь заведующим её сибирского отдела), был избран гласным городской думы (являлся членом её пяти постоянных комиссий) и кроме того принимал участие в различных общественных организациях.

Участие в “Сибирской жизни”, — а если быть более точным, то поддержка в газете стачки приказчиков фирмы Второва в мае 1913 г., — привело к тому, что статский советник А. В. Адрианов в августе этого же года был уволен в отставку, отдан под гласный надзор полиции и выслан на три года в Нарым. В октябре местом ссылки ему определили г. Минусинск, откуда за участие в им же созданной газете “Минусинский край” его выслали в село Ермаковское Минусинского уезда. В Ермаковском Александр Васильевич обрёл, наконец, массу свободного времени, которого ему не хватало в течении многих лет. И это время он использовал на приведение в порядок материалов своих прошлых экспедиций и одновременно добивался разрешения на поездку в Урянхайский край. Разрешение было получено и экспедиция состоялась в 1915—1916 гг. Это была последняя поездка, во время которой он обнаружил древний китайский город. Археологические коллекции, собранные в этой экспедиции, наряду с материалами прошлых его исследований за-

няли достойное место в музеях Академии Наук, Эрмитаже, Московском историческом, Минусинском, Красноярском, Иркутском.

По возвращении в Томск Адрианов в марте 1917 г. становится редактором "Сибирской жизни". Восторженно восприняв Февральскую революцию, он через газету активно поддерживал Временное правительство. Александр Васильевич принимал участие в подготовке и в работе Сибирского областного съезда, затем входил в состав Сибирской областной думы и был членом её комиссии по национальным делам. Адрианов не принял Октябрьской революции, и это обусловило направленность "Сибирской жизни" против политики большевиков, ведущей, как он считал, к гражданской войне. На страницах газеты высказывалась поддержка чехословакам, а затем и правительству А. В. Колчака, атаману Семёнову.

В декабре 1919 г. в Томске была восстановлена советская власть. А. В. Адрианов и ряд других активных сотрудников "Сибирской жизни" были арестованы, а в первых числах марта 1920 г. как "ярые контрреволюционеры" по приговору томской ЧК расстреляны.

После смерти Александра Васильевича, до нашего времени, сохранилось большое количество документов, отражающих его общественную и научную деятельность. Мы предлагаем вниманию читателей лишь три письма, относящихся к разным периодам жизни Адрианова, в которых он предстаёт как пылкий студент, этнограф и как обыкновенный человек со своими проблемами. Оригиналы нижепубликуемых писем находятся: I — Научная библиотека ТГУ, архив Г. Н. Потанина, связка 115, л. 25 — 27; II — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, ед. хр. 7; III — Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, папка 4, л. 185 — 187.

Н. В. Васенькин

I

Козьмодемьянск, 15 мая 1875 г.

Уж если я уселся писать такое большое письмо, так я вам расскажу всё, что считаю интересным со времени моего отъезда.

Утром из Питера уехать мне не удалось, а потому сверх всякого желания я должен был прожить в Москве целые сутки, дожидаясь поезда. Дорогой я вёл беседу с самыми разнообразными субъектами, так что эти разговоры послужили мне материалом к написанию небольшой статейки, которую я хотел было услатить вам, как ученик учителю на просмотр, но, говорят, здесь частенько теряются письма, и потому я пожалел своих, хотя и грошовых, трудов. В Нижнем я прожил сутки; увиделся с Гацисским, передал ему тюк с книгами, провоз которого стоит 7 рублей приблизительно. Программа ещё не отпечатана, а когда будет готова, он мне вышлет её. От Гацисского я отправился к вашим; там меня приняли так приветливо и любовно, что я с радостью принял приглашение прийти вечером чай пить. Время провели в разговорах о вас, о Петербурге, знакомых и мало ли ещё о чём, — достаточно того, что на душе у всех было хорошо. Вечером прибежала Херсонская "штопор", деваха хоть куда, мне по крайней мере очень понравилась за свой бойкий, свежий ум и естественность в обращении. Она посылает вам с моим письмом цидулку и желает иметь непременно такую же карточку, а иначе пойду, говорит, к Карелину переснимать с этой. Нехотя расстался я с Нижним и отправился вниз по матушке, по Волге, которая теперь представляется широким раздольем. Через несколько часов я был принят с патриархальной простотой и нежностью козьмодемьянскими знакомыми. Я никогда не воображал о такой привольной и сытой жизни, какую привелось вести здесь. Соленье, сушенье и печенье и чёрт не знает что ещё приводится есть — это какой-то рай Магометов. Я занимаю один-одинёхонек целый дом и к моим услугам решительно всё, чего не спроси. Я ещё никуда не выплывал, но знакомых тем не менее куча, и уже весь город

знает о моём существовании. Моя шляпа и плед вызывают в здешних обитателях удивление и смех. Здешняя чиновная аристократия и административные учреждения вполне напоминают мне Сквозников-Дмухановских, Земляник и т. д. Барыни и барышни франтят направо и в хорошую погоду все толкуются на берегу Волги и ... В окрестностях кроме черемис и чуваш никого нет. Меня поразили прежде всего костюмы этого народа. По костюму нельзя отличить мужчину от женщины — они одинаково одеты во всём, только недавно, говорят, прекрасный пол сменил шапки и картузы пёстрыми платками русского изделия. Холстинные рубахи и штаны, а сверху какого-то странного покроя кафтан производятся каждой семьёй на себя самими. В работах женщины принимают одинаковое участие с мужчинами, они сами запрягают лошадей, едут за дровами, пашут пашни и отбывают повинности. Ни походкой, ни мускулатурой они не отличаются от мужчин. Мужчины, вообще, сколько я заметил очень некрасивы, физиономии их грубы и угловаты, тогда как между женщинами я видел просто красавиц. Все они крещёны, справляют те же праздники, ходят в церковь, но не покидают своего шайтана. Бога этого они представляют в громадных размерах, с зелёными волосами и большущими зелёными глазами. Работник, которого я знаю, всегда за обедом и ужином откладывает лучший кусок мяса, разрезывает его на мелкие кусочки и разбрасывает в поленицу, ощущая постоянно присутствие своего зелёного бога. Занятиями их остаются исключительно земледелие и лесопромышленность, отхожих промыслов, кажется, нет. Они крайне недоверчивы и подозрительны, любят напиться донельзя и тогда бушуют как дикари. Мне предстоит много знакомств с ними через старуху-купчиху, у которой я пока обретаюсь. На той неделе я съезжу, по всей вероятности, на ихний семик, только не безопасно, говорят, находиться в среде пьяных черемис, — могут связать и отправить к становому. Бдагодаря знакомству с некоторыми старухами, я собрал несколько растений, имеющих странное название и своё местное употребление. Одно растение "сороканедужный" я не срываю пока, пусть вырастет, боюсь только, чтоб его кто не выкопал, потому что растёт оно только в одном, мне указанном месте и нигде в окрестностях не встречается. Был на одном болоте, где видимо-невидимо лягуш, поющих по вечерам и каких-то ... странных насекомых, которых я никогда не видел — буду следить за их развитием. Меня тащат на рыбалку и на охоту после Петрова дня, приглашают в клуб, и даже хотят свести с попом, чтоб обратил меня на путь истинный. Как я не уклоняюсь от разговоров о религии, однако не могу избежать. Бросилось в глаза, что я ни перед обедом, ни после него не перекрещусь ни разу. Надобности являться начальству не предвидится; познакомлюсь с ними и так. Недавно мне показывали шкуру лисицы или песца, не знаю, убитого здесь. Говорят, что это редкость, потому что такого зверя здесь не водится; местное название ему "князёк". Не знаю, что со шкуркой делать — её отдадут мне, если попросить, а чучело вышло бы во всяком случае хорошее. Между общественниками здесь живёт до десятка воров и разбойников, некоторые из них имеют дома и деньги. Они застрашали начальство, и оно на них решилось смотреть сквозь пальцы. Приходит, например, такой гусь к богатому купцу и просит денег, говоря, что он, когда у других будут дома гореть, останется целым, и сдерживает своё слово, — в соседях пожар ни от чего, по-видимому, а этот купец всегда цел, с условием, если он постоянно даёт денег.

Получил я как-то письмо, что все мои ресурсы истощены и денег из опеки больше не буду получать — это остаётся для меня пока загвоздкой, не придумаю, что делать; обращусь к вдовушке, не даст ли она мне тысячи полторы займы, а то и больше, тогда я сестру вытащу в Питер. Если только даст, тогда я буду сбивать её отдать эти деньги не ей обратно, а на стипендию при Сибирском университете; только бы она приехала из Тюмени, а уж я ей “знику” не дам. Ядринцевы, вероятно, уехали, — я хочу им тоже письмишко написать. От вас буду ждать наставлений и инструкций, как и что делать. Передайте Александре Ивановне мой привет, а Марье Петровне уж не иначе, как поцелуй самый чистый. Дали мне здесь двух учениц, но они не хотят отравлять удовольствий роскошного лета книжками и потому, вероятно, не станут заниматься. С июня вместо них у меня, вероятно, будут два маленьких ученика. Так или иначе, а скучать мне не удастся. Пробуду здесь не более как до августа, хочется дня три прожить в Нижнем и поспеть к 10-му августа в Питер, чтоб перебраться в Университет. Соблазняюсь съездить в Казань — посмотреть город и поглядеть знакомых сибиряков. Письмо Краснопёрову я сжёг, т. к. он уехал на жительство в Царицын.

Прощайте. Крепко любивший вас, верный сибиряк, Адрианов.

II

Томск, 25 декабря 88 г.

Прочитав Ваше письмо и упрёк за то, что ни слова не сказал о своей Нарымской поездке, я только теперь вспомнил и сообразил, какого дал маху, и так хлопнул себя по лбу, что он тоже покраснел, как и щёки.

Насколько смогу, восполню этот пробел сейчас. Оговорюсь, однако, что вести исследования в Нарымском крае труднее, чем вести у др<угих> инородцев, потому что вследствие влияния русских всё са-мобытное исчезает и остаётся в виде переживания; во 2-х, народ необыкновенно загнан, туп и беспамятлив, так что на самый простой и обыкновенный вопрос в редких случаях добьёшься толкового ответа; в 3-х, религиоз<ные> верования и связанная с ними старина былин и сказок так тщательно скрывается, что выудить её можно с величайшим трудом.

На Васюгане обитают 2 племени — самоедское и остяцкое; различие между ними — в языке и кой-каких бытовых мелочах. Из произведенной мною посемейной переписи 3 васюган<ских> волостей видно, что население здесь с небольшим 800 душ; оно убывает. Грамотных ни одного. Бедность ужасающая. Экономическое рабство почти поголовное; поразительно то, что в этом тяжёлом экономич<е>ском положении чуть не главную роль играет казна со своим “обеспечением” инородцев казённым хлебом; можно сказать, что она, под видом помощи, жестоко их эксплуатирует, неуклонно взыскивая деньги за взятый инородцами в казну хлеб, т. е. собственно недоимку. Инородцы много лет уже совсем хлеба не берут, давно за него заплатили все, некоторые платили по 2, по 3 раза, но все взыскания идут в карман вахтёров, а недоимки из книг не вымарываются. На иных инородцев недоимки достигают нескольких сот рублей. Я сделал подробный доклад об этом, раньше Лаксу, а теперь Булюбашу, но мой доклад умер; как бы ещё не досталось мне за разоблачения махинаций исправника и Губерн<ского> Правления. Народ почти поголовно заражён сифилисом, передаваемым наследственно, вследствие этого слабый физически, умственно, неспособный к упорному труду. Врач

никогда здесь не бывает. До водки инородцы очень падки, но пьянства здесь нет, как и самой водки, которая проникает раз, много два в году; поэтому все рассуждения об алкоголиках здесь — сущая фантазия. Благоприятное разрешение остяцкого вопроса, если рассуждать теоретически, возможно, но для этого нужно, во-первых, организовать медицинскую помощь, во-2-х, не только казне не эксплуатировать инородца, но и оградить его от кулаков, дать инородцу кредит, не посылать миссионеров и попов в ссылку, за пьянство и проступки, как это делается теперь; при перемене экономичес<ких> условий, непременно началась бы ассимиляция, путём браков с русскими, что имеет место и сейчас, но редко, потому именно, что русский, женись на инородке, к податям прибавляет бремя ясака и новых повинностей. Занятие инородцев — промысел рыбный, звериный и орешный. В одной остяцкой деревнюшке 4 года назад стали сеять картофель; нынче посеяли сверх того репу, горох и ячмень, но всё это в куче, на кое-как всковырянной земле, не поливается и не полется; урожай, однако, есть. Скотоводства нет; держат лишь лошадей, да и тех понемногу; сообщение летнее исключительно в лодке. Религиозный быт инородцев Нарым<ского> края в высшей степени интересен, но на удовлетворительное изучение его надо положить оч<ень> много времени. Все инородцы, без исключения, с давнего времени христиане, но почти все они, за малыми исключениями, держатся старой веры, только прячут её; по многу лет живущие среди них священники, как я убедился из разговоров, даже не подозревают этого. Однако я из всех рас<с>просов не могу себе представить эту религию в виде стройного и связного целого. У народов Алтая каждый назовет два главных божества, два начала — Эрлика и Ульгена. Здесь этого нет. Здесь главную роль играют духи — юнк (остяцк.) и ло (самоед.) — всюду сущие и разносящие зло; они насылают болезни, они отнимают удачу в промысле или дают её. Поэтому каждый держит у себя изображения идолов этих духов (до 15 шт.) и не менее двух раз в году приносит им бескровные жертвы. Но кроме этих личных, так сказать, семейных божеств, есть ещё юрточные или общественные — это богатыри, превратившиеся иногда в камень, в птицу, рыбу и т. д. и обоготворившиеся. Эти существа пекутся о человеке и всегда готовы доставить ему хороший промысел, лишь бы человек не позабывал о своей благодарности. В честь их часто делают изображения, которые помещаются с жертвами в особых амбарах, в глухих лесах, укромных местах. Посредником между человеком и богами является шаман — Ёл (ост.), Чуочбы (сам.). Шаманов здесь таки не мало, но все захудалые, слабые, загнанные, ничем не выделяющиеся, кроме нервозности, от сородичей. Большинство остяцких и самоедских шаманов ничего не имеют, кроме струнного инструмента пынгар (сам.), пананг-юг (ос.) и ложки (близкое сходство с орбой); на инструменте он бренчит, как на балалайке, но не прижимая струн, а ложку кидает и судит по тому, как она упадёт. Только у одного самоед<ского> шамана по р. Чажапке есть бубен (одежды нет), но я, к сожалению, не мог встретиться с этим самоедом, хотя и сделал распоряжение, чтоб он подождал меня в условленном месте (струсил он меня). Есть ещё другой сорт посредников между людьми и божествами — нюкольта азы (ост.), кавыдрна (сам.) — это гадатели-провидцы, которые могут узнать, кто украл потерявшуюся вещь, где искать труп утонувшего человека, здоровы ли находящиеся вдали родственники и т. п.; они всегда действуют в полной темноте, со связанными руками и ногами. Есть ещё и третий сорт людей, примыкающих к первым двум — сказочники. Иногда все три

рода (особенно первые два) совмещаются в одном лице. Первого шамана остяцкого звали Пуглюнлых-ел; про него есть легенды. Сказки здесь двух родов: чапты (сам.), манть (ост.) — это сказка — о начале мира, о том что было в самое отдалённое человеческое время; къэльджт (сам.), арех (ост.) — былина, про богатырей и их подвиги и про то вообще, что было в последующее время (после манть). Одну остяцкую арех я записал (но перевести никак не могли, хотя я потратил на это несколько дней; остяки плохо владеют русским языком, а русские, знающие по-остяцки, тоже не в состоянии дать перевода, не понимают) и одну неполную манть. Записал несколько легенд, кроме того, и молитв к идолам.

Гондатти 3 больших статьи читал и имею; очень интересно. Ничего, однако, такого на моём пути не нашлось (к сожалению, эти статьи я прочёл по возвращении из Нарымского края, получив их в подарок от автора). Описываемых у Гондатти медвежьих праздников на Васюгане нет, точно также и драматических представлений, но остатки культа медведя я нашёл и записал несколько вариантов об этом звере, которому теперь приносятся жертвы. Мне бы очень хотелось собрать и прочесть всё, что есть в литературе об остяках, вогулах и самоедах, но как это сделать без библиографических указателей? Не найдёте ли способа помочь мне в этом? И ещё беда: мне не удержаться в Комитете, что весьма вероятно, то и с исследованием остяков придётся распрощаться, а жаль, очень жаль — предстоящим летом намечена была поездка на Тым и Обь, а если б успел, то на Парабель и Чаю.

Если что-нибудь найдёте, Григорий Николаевич, недосказанным, напишите, пожалуйста. И вообще я попрошу ещё Вас поручить мною в моих этнографических работах; у меня, как Вы знаете, нет надлежащей подготовки по этой части, — сообщите список таких сочинений по этнографии, которые бы дали мне, так сказать, общее образование в этой области. В отставку от долж<ности> чинов<ника> особ<ых> поручений я уже подал. Был у Флоринского, просился на место Корша, но получил самый решительный отказ, мотивированный опять моим прошлым — редактированием “Сибирской Газеты” и знакомствами с политич<ескими> ссыльными. Правда, я был вполне уверен в отказе, но меня интересовали мотивы его, а также и в будущем не хотелось упрекать себя за то, что я не сделал попытки попасть в Университет на службу. Посылаю Вам дневник моего плавания по Енисею (он был включён в мой отчёт о поездке на Алтай и за Саяны в 81 г., но я до сей поры не ведаю, что случилось с этим отчётом в Географ<ическом> Общ<естве>; не знаете ли об этом Вы что-нибудь), а также корреспонденцию, которую прошу передать Ядринцеву. Мой нарымский отчёт остановился; оставшись без няни, приходится часть её работ нести на себе, кроме того ежедневно учу детей своих грамоте, что отнимает большую часть моего внеслужебного времени. Но так как на 60 руб<лей> в месяц мне мудроно перебиваться, то теперь ищу разной частной работы, которая также отодвигает на задний план обработку материала (написав о Нарымской поездке фельетон для “Русской мысли”, получив работу от одного из профессоров Университета). И то сказать, человек я небыстрый, работа у меня всякая идёт медленно и несколько беспорядочно, а главное, что мне всегда приходится сознавать — недостаток общего образования, пополнить которое становится всё меньше возможности; к тому же и способности-то мои не ахти какие. Передайте Ник<олаю> Мих<айловичу><Ядринцеву> соображение — не признает ли он в

интересах газеты завести в Томске постоянного хроникёра, который сообщал бы ему важнейшие сведения по телеграфу. Как думаете поступить — отвечать или нет на брошенный Вам главн<ым> образом вы-зов Кузнецова; в виду недоумений в публике мне представляется неизбежным такой ответ, хотя, и то сказать, собаки лают — ветер носит. Поджидаю Клеменца, но он что-то не едет, заболел, вероятно.

Сегодня 27 в Университете открылась научная выставка; завтра иду туда с двумя ребятами и кстати прослушаю публичную профессора Зайцева лекцию (о полезн<ых> ископаемых и важнейш<их> горн<ых> пород<ах>).

Поздравляю Вас и Александру Викторовну с праздниками. Преданный Вам Адрианов.

P.S. Вчера (28) был у меня профессор Коржинский; изложенное в корреспонденции он подтвердил; Корш действит<ельно> пугал коллегия профессоров Флоринским. Последний долго не уступал профессорам, просил отсрочить года на 2, потом на год, потом до лета (отставку Корша), но профессора не поступились. Тогда Флоринский двинул последние аргументы — “Что скажет теперь Адрианов?” “Как они останутся без газеты, которая так поддерживала их?” Флоринский и другие почему-то думают, что на решение профессоров имели влияние я и д<октор> Макушин, этакой глупости и бестактности, столь откровенно сделанной перед всеми профессорами, я не ожидал от господина попечителя. Устраивая выставку, обошли умышленно меня Флорин<ский> с Кузнецовым, хотя в моих руках большая и свежая коллекция из Нарымского края.

III

Красноярск, 2 мая 1902 г.

Дорогой Григорий Николаевич!

Я тоже на этих днях прихворнул и совсем было улёгся в постель, но сейчас ничего, работаю.

Всю Пасху и часть Страстной я провозился с песнями, которых набралось больше 170 штук; все их я переписал, рассортировал, сделал примечания, насбирал даже новых песен. Печатание продвигается, но оно затянется больше, чем я полагал; с одной стороны потому, что я ошибся на счёт объёма книжки, которая вм<есто> 7 предполагаемых листов будет не менее 12, а с другой стороны потому, что в типографии увеличилась работа и теперь вместо двух человек книжку набирает один. Напечатано уже 6 листов, 7 набирается (больше 100 страниц набрали) и конца сказок не видно, всё еще идут мои сказки от Палкина, а потом пойдёт Ваша, моей сестры, потом бывальщины и заговоры, пословицы и потом уже песни; сказки займут не менее 8 печат<ных> листов. Тем не менее в мае книжку кончим, я не устаю беспокоить типографию.

Нумерация сказок изменена, и я думаю, что, согласовав №№ в предисловии, придётся сделать особое примечание, поправку о Тархе Тарховиче я помню.

С Коном история. Усинский Погранич<ный> Начальн<ик> объявил ему распоряжение Генер<ал>-Губернат<ора> не выпускать его за пределы округа и Кон до того растерялся, что вернулся в Минусинск. На посланную мной Григорьеву телеграмму нет никакого ответа, боюсь, что с убийством Сипягина и воцарением Плеве это предприятие погибнет, — вряд ли и П. П. Семёнову удастся что сделать.

У нас к 18 апреля (1 мая нов<ого> ст<илия>) во множестве по городу распространялись прокламации, полиция забегала, казаки целыми взводами заездили, расправляя плети, но всё прошло тихо; по-

сле арестовали 2 рабочих “по подозрению”. Арестовали и трёх молодых людей, которые отправились на несколько дней на Столбы рисовать с натуры. Арестовала их полиция (и теперь в тюрьме сидят) без ведома прокур<орского> надзора, по распоряжению Вашего знакомого Сазонова, теперь исправл<яющего> должн<ость> губернатора, только за то, что они мало нарисовали и мало израсходовали красок. А на Столбах их накрыли в виду слухов, что там фабрикуются прокламации и работают на гектографе. У нас жизнь идёт до тошноты вяло. Наши обществ<енные> деятели сидят по углам и брюзжат, да друг друга едят. А бедствия неурожая всё ярче и резче обозначаются.

В Подъотделе у нас до сих пор не было ни одного заседания и мы скоро будем изображать “Лебедь, щуку и рака”. Кто такой Солярский, ей-Богу не знаю, но я уж больше не стану с ним сражаться, ну его. И так намолости довольно!

Просить Вас сходить к Айгустовым, я думаю, не следует теперь, для Вас это затруднение, а особой необходимости пока нет; вчера Айгустов прислал письмо, из которого видно, что он берёт на себя бразды правления по дому. К тому же в июне или июле мне предстоит служебная поездка в Томск по крайней мере на неделю. Впрочем, если Вас не затруднит прогулка к нам в сад, ходите, посмотрите, поговорите со стариком Айгустовым; нам нужно, чтоб он вносил деньги в Думу, в уплату за участок земли прикупленной к усадьбе; нужно, чтоб деньги вносились исправно. Кроме того желательно узнать у Вологодского существующие цены на квартиры в Томске; Айгустов платит нам по 35 рублей в месяц за весь дом — верх и низ и флигель — нужен во дворе; в его пользовании весь двор со службами, роща и сад. Не мало ли он платит; может быть, нам не мешает увеличить доходность имущества, не нарушая справедливости. Со вчерашнего дня на Енисее началась навигация.

6 мая ждут Я. А. Манерова; он снаряжается в экспедицию в Восточный Алтай от Министерства Двора. Подробностей не знаю.

Наши все шлют Вам свой привет. Преданный Вам Адрианов.

В. В. Лаврский

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА Г. Н. ПОТАНИНУ

Валериан Викторович Лаврский — шурин Потанина, брат его первой жены. Оба, Лаврский и Потанин, родились в 1835 году.

В своих воспоминаниях Потанин пишет: “Старший сын священника, Валериан учился сначала в нижегородской духовной семинарии и кончил курс казанской духовной академии. Его семинарские годы совпали с тем временем, когда там учился будущий критик Добролюбов, который в своих автобиографических заметках говорит, какое имел влияние на него кантонист-однокашник”. “Вообще, — отметил Н. А. Добролюбов в дневнике от 24 января 1853 года, — степень моего уважения и расположения к этому человеку я измеряю мои нравственные и умственные успехи. <...> Не сойдись бы я с ним, — я уверен, что моё развитие пошло бы совершенно иначе”. Более того: человек, сформировавший будущего критика, позже, в казанской академии, оказался одним из лучших учеников и друзей архимандрита Феодора (Бухарева), того, кто — по П. А. Флоренскому — “есть родоначальник религиозного и отчасти литературного течения нашей современности...”

11 (23) января 1874 года Потанин женился на Александре Викторовне Лаврской. Александра была любимицей Валериана. “На сестру, — писал он Ал. И. Дубровиной в начале 1860-х гг., — вы можете смотреть как на повторение меня самого, только в женском облике. <...> мой образ мыслей будет всегда и её образом мыслей...” Он и позднее, в 1882 году, писал сестре: